Г.А. ЛОНЧАКОВА

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ СБОРНИК ИЗ КЕМЕРОВСКОГО СОБРАНИЯ ГПНТБ СО РАН С ПОСЛАНИЕМ О ЗЕМНОМ РАЕ НОВГОРОДСКОГО АРХИЕПИСКОПА ВАСИЛИЯ КАЛИКИ

Сборник, хранящийся ныне в фонде отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН (Новосибирск) под шифром О.IX.5, приобретён в ходе археографической экспедиции в одном из посёлков Кемеровской обл. Религиозная ситуация в данном районе крайне пёстрая: состав старообрядцев по согласиям многообразный; зачастую немногие оставшиеся представители того или иного согласия не могут достаточно точно идентифицировать свою принадлежность конкретному согласию. Старообрядка, у которой был приобретён данный сборник, относит себя к филипповскому согласию. Отметим, что местные филипповцы продолжают сохранять и до сих пор строгость устава и жизненного уклада, свойственную этому согласию, хотя отдельные представители его и тяготятся этим. К сожалению, молодёжь зачастую уходит в «мир» или даже в секты, которых также много в районе (1).

Рукопись в восьмую долю листа написана на 137 листах одним почерком. Скорее всего, следует говорить о более или менее длительном процессе её создания: первый этап следует датировать 10-ми годами XIX в., второй – по меньшей мере, серединой этого века.

Б*о*льшая часть сборника (л.1–79 и л.102–109) написана на бумаге с филигранью «Pro Patria» с литерами «СУ ГФ», контрамаркой (литеры «ГЕЯБ» [курсив] под короной, обрамлённые двумя ветвями) и «белой датой» «1811». В описываемой бумаге имеется ещё инициал мастера «И». Данная филигрань представ-

Лончакова Галина Андреевна – отдел редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск

лена в альбомах: Клепиков I, №169 (1812 г.); Клепиков II, №192 (1811, 1813 г.); Участкина, №748 (1813 г.). Таким образом, эта часть сборника датируется десятыми годами XIX в.

Л.80–100 и л.110–125 написаны на бумаге с литерами «РОФ» / «РВ», что расшифровывается как «Рузской округи фабрика Петра Белавина» (2), и «белой датой» «1810». Филигрань отыскивается в альбомах: Клепиков II, №646 (1805, 1806 г.); Участкина №517 (1801 г.). Эта часть сборника может быть датирована по филиграням первым десятилетием XIX в.

Л.126–137 написаны на достаточно грубой бумаге без штемпелей и филиграней. Такая бумага датируется, как правило, временем не ранее середины XIX в.

Сборник переписан одним почерком. Через весь сборник проходит единый сигнатурный счёт, выполненный тем же почерком, что и основной текст. Единообразно оформлены инициалы и концовки. Всё это указывает на единство рукописи.

Вместе с тем, некоторые кодикологические особенности указывают на её поэтапное, не единовременное создание. Границы бумаги и границы тетрадей совпадают с границами отдельных сочинений, включённых в сборник. Это позволяет предположить, что на начальном этапе сборник существовал в виде отдельных «тетрадок». Затем тетрадки были объединены в сборник. На вероятность существования сборника на одном из этапов без последней тетради указывает чистый оборот листа перед её началом. Видимо, в середине XIX в., на бумаге этого времени тем же писцом была переписана ещё одна тетрадь, которая затем была соединена с уже существовавшим блоком под одним переплётом. Корешок этого переплёта сохранился под более новым и грубым переплётом.

Такой способ создания сборника, на наш взгляд, свидетельствует об индивидуальном, личном характере рукописи: сборник составлялся «для себя» и отражает личные интересы и вкусы составителя. Ввиду этого особый интерес представляет состав сборника, который, как представляется, ярко отражает социальную принадлежность составителя, его убеждения и литературные пристрастия.

Первый фрагмент сборника содержит известные и чрезвычайно популярные в Древней Руси памятники: Чудо св. Георгия о змие, Чудо св. великомученика Димитрия «о двою девицу», Житие св.

преп. Алексея человека Божия. Кроме того, переписаны некоторые сочинения, имеющие в названии жанровое определение «слово», но представляющие собой также повествовательные произведения: Слово св. мученика Мины, Слово (из Пролога) о Иоанне епископе Иерусалимском, «како Епифаний хитростию взя у него сребро, раздая нищим», Слово «о некоем воине именем Таксиоте, воскресшем из мертвых», Слово, «яко подобает тягатися пред Богом с насильники света сего». Вместе с тем, здесь переписаны и собственно поучения: Слово Иоанна Златоустого, «како не ленитися чести книги», Слово Иоанна Златоустого «о творящих многая злая, а не приемлющих зде беды». Этот фрагмент включает и Послание о Земном Рае новгородского архиепископа Василия Калики.

Во втором фрагменте переписано Житие Кирика и Улиты, которое занимает 3 полных тетради.

В третьем фрагменте, в одной тетради, переписаны Слово о сапожнике (из Пролога) и Слово «от Лимониса» о поручении от жены к Богородице.

Четвёртый фрагмент занят как собственно поучениями (Поучение Иоанна Златоуста «о злой лаи матерной», со ссылкой на Измарагд, Слово, из Пролога, «како подобает со страхом стояти и с боязнию в церкви»), так и краткими повествовательными произведениями, на этот раз – из Великого Зерцала: «О славе небесней и о радости вечней» и «О проповеди слова Божия и како сим, иже не хотят слушати Бога». Оборот последнего листа, как уже говорилось, – чистый, что свидетельствует о том, что, скорее всего, здесь, на предшествующем этапе, сборник и заканчивался.

Отметим, что этот фрагмент, равно как и Житие Кирика и Улиты, написаны на наиболее ранней бумаге. Возможно, они и послужили тем ядром, вокруг которого «вырос» сборник.

Последняя часть, переписанная уже в середине XIX в., содержит очень яркое «Слово от Патерика о отроковице, погубленней от матери» – новеллистическое повествование – и небольшое «Слово Григория папы Римского» о необходимости для христианина (под страхом вечных мук) активно проповедовать христианский взгляд на вещи своим ближним. Этим завершается сборник.

На наш взгляд, интересным является вопрос о мотивах вклю-

чения в данный сборник Послания о Земном Рае, жанрово отличающегося от других сочинений сборника. Послание о Земном Рае включено в летописи под 1347 г. и надписано именем выдающегося новгородского церковного и политического деятеля, архиепископа Василия Калики. Исследователи полагают, что ситуативно появление памятника связано со спорами паламитов (исихастов) и варлаамитов в Византии и распространением «умного делания» в России (3). Послание посвящено доказательству реального существования Земного Рая, о котором сказано в Книге Бытия, и опровержению ещё не утвердившегося тогда в Церкви учения о «мысленном рае» (4).

Но трудно представить, чтобы старообрядца, включившего памятник в свой сборник, волновала полемика почти полутысячелетней давности. В числе прочих источников (5) Василием Каликой использована и новгородская легенда о мореходах, которых «долго носило море ветром» и в итоге принесло к Райским горам. Легенда о Моиславе с товарищами, нашедшими Земной Рай, в композиционном смысле является кульминацией, вершинной точкой Послания о Рае. Скорее всего, именно эта легенда и оказалась близка сердцу составителя сборника.

Хорошо известно, что в старообрядческой среде родилась близкая по мироощущению легенда о Беловодье (6). Известно, что если вначале легендарную страну, где «воровства, обману и грабежу, убийства и лжи, и клеветы в христианах нет же», искали на Алтае, то впоследствии речь шла о стране, находящейся на множестве островов в океане. Интересным является мнение о том, что Беловодье заселено христианами, говорящими на «сирском» языке (7). К.В. Чистов связывает это с распространением в Средней Азии, Индии и Китае восточных ответвлений христианства (несториан и маронитов) (8). Можно предположить, что эти сведения обусловлены и памятью о том, что местоположение Едема, Земного Рая, – где-то недалеко от Сирии. С.С. Аверинцев пишет, что ещё «в начале IX в. католикос Селевкийский Тимофей I обосновывал особые права своей кафедры, между прочим, тем, что её местоположение – страна Едема, ,,Восток“, о котором говорит Библия» (9). Был уверен в реальном существовании Земного Рая где-то недалеко от его родины великий Ефрем Сирин (10). Представление о Земном Рае, утраченном,

но не исчезнувшем, находящемся в некоем особом, недоступном для нас бытии, жило в Церкви, в том числе – Русской Церкви, все века её существования. О нём писал в конце XVII в. свт. Димитрий Ростовской, а в XIX в. – свт. Игнатий Брянчанинов. С этим мнением согласен и современный исследователь и священнослужитель, автор статьи «О первозданном мире Шестоднева» прот. Александр Салтыков (11).

Рассмотрим общий характер сборника, исходя из его состава.

Прежде всего очевидно пристрастие составителя к ярким, эмоциональным сюжетным повествованиям новеллистического типа. Единого взгляда на время возникновения новеллы, её характерные жанровые признаки у исследователей нет. Но всё же, как правило, новелла определяется как небольшое повествовательное произведение с острым, динамичным сюжетом (фабулой) и неожиданной развязкой (12). А.В. Михайлов подчёркивает нетипичность, необычайность, даже невероятность события, описываемого в новелле. При этом «невероятное в новелле становится знаком обычного, типического, выступает как раскрывающее предполагаемую основу бытия, скрывающуюся за поверхностью событий» (13). Именно такие сочинения занимают подавляющую часть сборника. Как мы полагаем, это свидетельствует о наличии у составителя вкуса к собственно литературному чтению, к тому, что мы называем «художественной литературой» (14). Однако при этом очевиден и содержательный критерий: все сочинения касаются тех или иных нравственных проблем в их христианском истолковании: смирения и гордости, милостыни и сребролюбия, чтения книг и слушания проповеди, ночной молитвы, целомудрия, твёрдости в вере до исповедничества и мученичества, воздержания в языке, благоговейного стояния в церкви, исполнения данных обетов. Ввиду этого, за развязкой следует нравоучительная часть, подводящая своеобразный нравственный итог повествования. Это одна из особенностей, отличающих подобные рассказы, от классической новеллы (15). Однако и коллизия, лежащая в основе фабулы произведения, и сама фабула резко отличаются от таковых в классической новелле. Е.М. Мелетинский называет такого рода повествования применительно к западноевропейской литературе «предновеллой» или, предпочтительнее, ранней средневековой новеллой (16), поскольк-

ку он рассматривает данный тип повествования как переходный, предваряющий возникновение классической ренессансной новеллы. Подобные повествования в составе Пролога рассмотрены Л.И. Сазоновой. Исследовательница делает акцент на краткости и динамичности развития сюжета, отсутствии психологической мотивации поступков и описания деталей (17). Композиция и другие художественные особенности таких повествований из Великого Зерцала детально рассмотрены О.А. Державиной. Жанрово они отнесены исследовательницей к новеллам (18). Е.К. Ромодановская в своей монографии говорит о процессе превращения повествований («прикладов») «Римских деяний» в новеллу с потерей ими притчевых толкований. По мнению исследовательницы, XVIII в. – век возникновения нового типа сборника – беллетристического, объединявшего «различные малые жанры прозы» (19). В отдельную жанровую категорию, участвовавшую в формировании русской новеллистической прозы, выделяет подобные повествования О.Н. Бахтина (20). Мы полагали бы правильным рассматривать такие повествования независимо от включающих их сочинений объединяющего жанра как самостоятельный жанр и называть, например, «христианским новеллистическим повествованием» или даже «христианской новеллой».

В произведении, озаглавленном «Слово святаго и преславнаго мученика Мины», действие развивается за счёт столкновения интересов праведного и грешного: первый отправляется в церковь св. Мины и несёт в дар «мехирицу полну злата». Второй же убивает паломника и присваивает золото. Его обличает св. Мина, явившийся в облике воина. Потрясённый убийца приносит покаяние, а Мина воскрешает убитого, «еретик деля и еллин». Покаявшийся убийца постригается и проводит свои дни в покаянии, а воскрешённый возвращается в Александрию, где всем рассказывает о чуде. Заключает повествование нравоучительный вывод: «И яша веру множество еллин и еретик и от того дни чюдящися, яко Бог молитвами святаго исцеляет душю всяку». Победа праведника всегда осуществляется помощью высших сил.

Аналогичным образом – на конфликте грешника (сребролюбивого епископа) и праведника (милостивого Епифания) построена фабула проложного «Слова о Иоанне, епископе Иеруса-

лимском». Завершается Слово также тем, что сребролюбивый епископ сурово наказан и стал милостивым. К этому же типу может быть отнесено «Слово о поручении жены ко Святей Богородице».

Коллизия фабулы Чуда Дмитрия Солунского о двух девицах и Чуда Георгия о змие может быть определена как противостояние святости и сил зла. Фабула всем хорошо известных произведений заключается в чудесном избавлении святым молящихся от, казалось бы, неизбежной гибели.

Особый тип фабулы — видение загробных мук согрешившим, так или иначе, человеком. Воин Таксиот, покаявшийся во всех своих грехах, уже после этого впадает в блудный грех и затем умирает, но через некоторое время оживает. Оказывается, хотя он и попал в ад (следует яркое его описание), но ему дана возможность покаяться и во вновь совершённом грехе. Для этого ему пришлось вернуться в уже погребённое и начавшее разлагаться тело. После сорокадневного покаяния, он «отъиде чист к Богу». Нравственное резюме здесь заключено в словах самого Таксиота: «Горе согрешающим, яко мука вечная ждет их; горе некающимся, дондеже время имут; горе оскверняющим свое тело».

Аналогично построено повествование и в завершающем сборник Слове «от Патерика скитскаго от отроковице, погубленней от матери ея». Мать, выдавшая свою дочь замуж в нарушение обета, погубила и её и себя, причём речь идёт о вечной гибели. Отец же девушки был прощён после тридцатидвухлетнего покаяния. Вариант данного типа фабулы – видение праведным Царства Божия, как, например, в известном повествовании, озаглавленном «О славе небесней и о радости вечней праведных» и имеющем помету «выписано из книг Великого Зерцала». Здесь рассказывается о монахе, увидевшем в храме необычайной красоты птичку и вышедшем за ней из храма в необычайной красоты поле. Возвращается монах в свой монастырь через 3 часа, но оказывается, что прошло 300 лет.

Ещё один способ построения фабулы христианского новеллистического повествования может быть обозначен как обретение праведника. Здесь нет конфликта как такового, повествование построено на контрасте внешней убогости, бедности героя и его несомненной праведности, как, например, в проложном Слове

о сапожнике, «его же обрете царев писец». Царский писец во время богослужения в церкви Пресвятой Богородицы обратил внимание на человека, «нища рубы одеяна», со слезами и коленопреклонениями молящегося. Когда в полночь он выходит, писец идёт вслед за ним, заинтересовавшись этим человеком. Нищий подходит к церкви Иоанна Богослова, молится перед затворёнными дверями, и они открываются ему. В итоге выясняется, что человек этот зарабатывает на жизнь сапожным ремеслом, но третью часть своего небогатого заработка он отдаёт нищим. Весь день они с женой постятся, а всю ночь «неусыпая» молятся. Живут они с женой уже 27 лет «в девстве». Сам сапожник считает себя «странным всякой добродетели» и просит не рассказывать о знамении никому до его кончины.

Краткость текста, динамизм развития фабулы, острота коллизии, неожиданность развязки в подобных сочинениях создают особую драматичность повествования. Добавим, что, несмотря на краткость текста, всё же присутствуют, например, выразительные описания ужасов ада, отвратительности «муринов» или красот Рая.

Несомненные художественные достоинства подобных христианских новеллистических повествований способствовали рождению в душе читателя эмоциональной реакции, сопереживания и, думается, могли сильнее содействовать духовному возрастанию читателя, прежде всего «простеца», нежели богословские трактаты.

Мы полагаем, что составитель сборника, отбирая повествования для переписывания, должен был руководствоваться как эстетическими критериями, так и, прежде всего, своими глубинными духовными устремлениями.

Житие Алексея человека Божия включено в сборник в древнейшей редакции, известной в списках с XII в. (21). Фабула жития более развёрнута, чем фабулы рассмотренных выше кратких повествований. Она строится на сочетании коллизии между имеющимся благополучием и добровольным отказом от него и коллизии между убогостью внешних житейских обстоятельств и праведностью человека. Житие вносит новые оттенки в тональность сборника. Сошлёмся на капитальный труд В.П. Адриановой-Перетц. Она пишет о «сочувственных переживаниях», «вы-

зываемых у читателя и слушателя», «которые обусловливаются как трогательностью содержания, так и художественностью композиции»; о «тёплом чувстве преклонения перед его страдальческой жизнью, которое создало и поддерживает в народной памяти у нас и многочисленные жития, и духовный стих, воспевающий чужого по происхождению, но ставшего родным по настроению Алексея Божьего человека» (22). Об этой особой тональности восточных православных литератур в целом блестяще пишет в своей статье о древнесирийской христианской литературе С.С. Аверинцев. Исследователь считает, что «легенда об Алексии, жестокость которой так часто представляется современному сознанию бессмысленной и бесчеловечной, отвечала глубоким душевным потребностям всего средневекового тысячелетия, которое тогда только начиналось». Потребность эта определяются С.С. Аверинцевым как «умиление», то есть любовь «как жалость и милость», и «сокрушение сердечное», сосредоточенно принимаемая боль души», «мука сосредоточенного духовного пробуждения, когда душа словно вырывается из силков ,,мира“, обдирая на себе кожу» (23). По мысли учёного, такие повествования дают особого рода утешение, понятное христианину: «глаза плачут и сердце уязвлено, однако и согрето, на душу сходит мир, а мысль яснеет и твердеет» (24).

Исходя из такого взгляда на подобные христианские повествования, художественным и содержательным центром сборника как единого целого можно считать Житие Кирика и Улиты.

«Кирик, св. мученик Тарсийский (в Киликии). 3 в. Память его и матери его св. Иулитты 15 июля. Мощи св. К[ирика] в 12 и последующих столетиях находились в св. Софии Цареградской» (25). Житие их не изучено. Исследователи полагают, что Житие это является апокрифическим (26). В данном случае это означает, что в нём присутствует вымысел. С точки зрения литературоведа, это Житие может быть рассмотрено как определённое обобщение, типизация раннехристианских мартириев (мучений). Возможно, что мартирийный канон подвергся здесь определённой гиперболизации. Тем ярче должны в нём высветиться содержательные аспекты. Жанрово мы имеем дело с несколькими новеллистическими повествованиями, объединёнными именами персонажей и «тематически» в одно произведение.В основе движе-

ния фабулы лежит коллизия между претерпеваемыми мучениями и стойкостью в вере. Драматизм её усиливается младенческим возрастом Кирика. Обратим внимание на следующие ключевые эпизоды Жития, обнажающие, как мы думаем, систему координат, особое измерение, особую шкалу ценностей и особую логику того художественного пространства, в котором живут и действуют персонажи Жития Кирика и Улиты и других новеллистических повествований исследуемого сборника. В череде мучений, которым подвергают истязатели мать и младенца, доходит очередь до котла с кипящим воском. «И возреве воскъ, клокота котелъ, якоже гром восхождаше от него. И собрашася множество людей, видеша страх великъ. С(вя)тая же Улита видевши котелны гласъ и громъ и ужасеся, и хотя отврещися Христа и поклонитися идоломъ». Кирик успокаивает свою мать и убеждает её в необходимости перетерпеть и это. После, видя безуспешность своих попыток, молится ко Христу: «Владыко, не остави рабу свою погибнути, но сотвори, Господи, да не посрамимся, и да не хвалятся врази Твои, глаголющее, яко одолехом от Святаго Духа, и вси верующие во Христа смятутся».

Там, где житейский разум видит неминуемую гибель, разум маленького христианина видит спасение. Избежание же мук и смерти грозит вечной гибелью. Молитва ребёнка оказывается действенной: помощью Святого Духа Улита преодолевает свой страх, а котёл не приносит им вреда. И вот близится конец: мучители решают отсечь Кирику и Улите головы. По молитве Кирика является сам Спаситель с ангелами. О чём же просит ребенок Господа? «Господи, аще кто созиждет церковь во имя мое, собрав иерея, и память мою чтит, или просфиру или свещу принесет, или трапезу поставит во имя мое, сторицею воздаждь ему» и т.д. Это единственная награда, которую просит у Господа маленький мученик за свою верность: возможность помогать людям после своей мученической кончины. В завершение же мучений матери и сына «взя Господь пречестныя их души месяца июля в 15 день, и приидоша беззаконии мучители обрести святых и не обретоша, вземше бо телеса их святии ангели». Это счастливая концовка. «Святый же Кирик предстоит у престола Христа Бога со святыми ангелы и глаголет: свят, свят, свят Господь Саваоф». Счастливая концовка находится за пределами

житейского мира, мира обычных ценностей. Художественное пространство сборника – это пространство евангельских притч. Оно как бы четырёхмерно, и четвёртое измерение, не известное ни фаблио, ни шванкам, ни классической новелле, является в ней определяющим.

Думается, что мы имеем здесь дело не просто с дидактической направленностью текста. Именно сопряжение «временного жития» и вечности рождает особое напряжение христианского новеллистического повествования. Здесь не просто занимательность, здесь постоянная «память смертная».

Можно с уверенностью утверждать, что совершенно не случайно такой сборник возникает в старообрядческой среде, причём, возможно, в одном из самых строгих его согласий. Он был созвучен страстной вере, готовности к страданиям и смерти, был своеобразным указателем, подтверждавшим верность избранного пути, служил утешением в нелёгкой жизни.

Послание о Земном Рае Василия Калики с легендой о нашедших Райский остров новгородцах оказывалось вполне актуальным и созвучным умонастроениям «страдальцев за веру».

Подводя итог, скажем, что рассматриваемый сборник, собранный старообрядцем исходя из личных пристрастий и интересов и возможно – глубинных личностных коллизий, «точек роста», и, читавшийся вплоть до последнего времени в старообрядческой среде, представляет собой отражение «народного православия» в его старообрядческом варианте.

Список сокращений

Участкина – Z.V. Uchastkina. A History of Russian hand paper-mills and thear watermarks. – Hilversum. Holland. The paper publications society. 1962.

Клепиков I – Клепиков С.А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959.

Клепиков II – Клепиков С.А. Филиграни на бумаге русского производства XVIII–начала XX века. М., 1978.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. За эти сведения мы искренне признательны в.н.с. отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН, к.ф.н. А.Ю. Бородихину.

2. Z.V. Uchastkina. A History of Russian hand paper-mills and thear watermarks. P.258.

3. Седельников А.Д. Мотив о рае в русском средневековом прении // Bisantinoslavica. Praha, 1938. Т.7. С.165–173; Прохоров Г.М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе XIV в. // ТОДРЛ. Т.23. Л., 1968. С.103; Голейзовский Н.К. «Послание о рае» и русско-византийские отношения в середине XIV в. // Русско-Балканские культурные связи в эпоху Средневековья. София, 1982. С.64.

4. Окончательное завершение паламитско-варлаамитских споров произошло в 1351–1352 гг.: в 1351 г. был принят соборный Томос, в котором «отлучались от Церкви все, не считавшие учение св. Григория Паламы соответствующим Православию». Анафематствования были провозглашены впервые в первое воскресенье Великого поста 1352 г. В течение XIV в. решения этого последнего собора были признаны всей Восточной Церковью. См.: Прот. Иоанн Мейендорф. Жизнь и труды св. Григория Паламы: Введение в изучение. СПб., 1997. С.142–144. Архиепископ Василий Калика скончался в июле 1352 г., отслужив во Пскове молебны по случаю свирепствовавшей в то время на Руси чумы, по дороге в Новгород.

5. Василий Калика, как полагает автор этих строк, опирался, прежде всего, на богослужебные тексты Русской Православной Церкви, что следует из текста Послания о Рае, но также продемонстрировал великолепное знание современной ему книжности. См.: Лончакова Г.А. К вопросу о литературных источниках Послания о земном Рае новгородского архиепископа Василия Калики // Древнерусское духовное наследие в Сибири: Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965–2005). Т.2. Новосибирск, 2008. С.141–153.

6. Мальцев А.И. Беловодье // Православная энциклопедия. Т.4. М., 2002. С.534–535; Чистов К.В. Русская народная утопия: Генезис и функция социально-утопических легенд. СПб., 2003. С.294–306 и др.

7. Чистов К.В. Указ. соч. С.315, 393.

8. Там же.

9. Аверинцев С.С. От берегов Босфора до берегов Евфрата: Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии н.э. // Аверинцев С.С. Другой Рим: Избранные статьи. С.135.

10. Там же. С.134–135.

11. Прот. Александр Салтыков. О первозданном мире Шестоднева // http://www.kadashi.ru/oas/publication_oas_jolondz.html. Статья также опубликована: Икон кэ техни: Церковное искусство и реставрация памятников истории и культуры: Памяти А.Г. Жолондзя. М., 2007.

12. См., например: «Новелла малый прозаический жанр, сопоста-

вимый по объёму с рассказом, но отличающийся от него острым центростремительным сюжетом, нередко парадоксальным, отсутствием описательности и композиционной строгостью. Поэтизируя случай, новелла предельно обнажает ядро сюжета – центральную перипетию, сводит жизненный материал в фокус одного события» (Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. С.248). Также: «Новизна концевых мотивов и служит главным приёмом концовки новеллы. Обычно это – ввод новых мотивов, иной природы, чем мотивы новеллистической фабулы. Так, в конце новеллы может стоять нравственная или иная сентенция, которая как бы разъясняет смысл произошедшего» (Томашевский Б. Теория литературы. Поэтика. М.;Л., 1928. С.193).

13. Михайлов А.В. Новелла // Теория литературы. Т.III. Роды и жанры (основные проблемы в историческом освещении). М., 2003. С.245.

14. Отметим, что владелица сборника, у которой он был приобретён, также чрезвычайно любит такого рода повествования и очень эмоционально их пересказывает, особенно акцентируя неожиданные повороты фабулы. Об этом нам сообщил А.Ю. Бородихин.

15. Мелетинский Е.М. Историческая поэтика новеллы. М., 1990. С.75.

16. Там же. С.60.

17. Сазонова Л.И. Проложное изложение как литературная форма // Литературный сборник XVII века Пролог. М., 1978. С.26–53.

18. Державина О.А. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965. С.58–95. См. также: Волкова Т.Ф., Карманова Н.А. Работа печорского книжника И.С. Мяндина над текстом новелл «Великого Зерцала» (Новелла о царе, научившем приближенных бояться суда Божия) // От Средневековья к Новому времени: Сб. статей в честь О.А. Белобровой. М., 2006. С.324–346.

19. Ромодановская Е.К. Римские Деяния на Руси. Вопросы текстологии и русификации: Исследование и издание текстов. М., 2009. С.151.

20. Бахтина О.Н. Проблемы изучения литературы городского посада и томские рукописные сборники XVII–XVIII вв. // Семён Ремезов и русская культура второй половины XVII–XVIII веков. Тобольск, 2005. С.213–216.

21. Адрианова В.П. Житие Алексея человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917. С.82, С.459–475 (текст).

22. Там же. С.127.

23. Аверинцев С.С. Указ. соч. С.129.

24. Там же. С.132.

25. Христианство: Энциклопедический словарь. Т.1. М., 1993. С.744.

26. Рождественская М.В. Апокрифы // Православная энциклопедия. Т.3. М., 2001. С.47.